
ОБЪЕКТИВНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ ЕГО И СУБЪЕКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Упоров Иван Владимирович

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

uporov@list.ru

Аннотация

Представлены авторские суждения о соотношении объективного и субъективного факторов в процессе исторического развития человеческого сообщества. При этом субъективный фактор олицетворяет государство (политическая власть), которое определенным образом дает оценку историческому прошлому и стремится конструировать подвластный социум, основываясь на историческом опыте. Соответствующие обобщения показываются на примере российской истории периода XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: история, знания, объективность, субъективный фактор, государство, общество, власть.

OBJECTIVITY OF THE HISTORICAL PROCESS IN THE CONTEXT OF HIS AND SUBJECTIVE PERCEPTION

Ivan V. Uporov

Doctor of History, Ph.D., Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

uporov@list.ru

ABSTRACT

The author's judgments about the relationship between objective and subjective factors in the process of historical development of the human community are presented. At the same time, the subjective factor is personified by the state (political power), which in a certain way evaluates the historical past and seeks to construct a subject society based on historical experience. The corresponding generalizations are shown using the example of Russian history of the period of the 19th – early 20th centuries.

Keywords: history, knowledge, objectivity, subjective factor, state, society, power.

Проблема объективности общественного развития уже давно исследуется в гуманитарных науках, и прежде всего в философии. Этой проблематике посвятили свои труды такие ученые, как Н.А. Терещенко, П.Ю. Уваров, А.Ю. Согомонов, П.Н. Хмырев, С.Б. Быстрянский и др. В частности, активно дискутируются вопросы соотношения объективного и субъективного факторов в процессе развития общества. И в этой связи представляет несомненный интерес рассмотрение данной проблематики в историческом ракурсе. По этому поводу следует согласиться с Н.В. Асоновым, который отмечает, что «история, соединяя в себе элементы общественных наук, представляет сложный интеллектуальный продукт, исследующий варианты развития социально-политической жизни, ее надо изучать, опираясь на объективные законы бытия. Расхождения в выводах историков объясняются тем, что методическая база подчинена парадигмальной составляющей и диктату идеологии субъектов политики» [1, с. 7].

Указанные субъекты политики представляют собой прежде всего государственные структуры, и далее мы как раз сосредоточим внимание на потенциале государства конструировать общественное бытие, опираясь на исторический опыт развития общества. К настоящему времени наибольшую известность в понимании исторического развития общества имеют два подхода: формационный и цивилизационный. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что научное обоснование (свободное от мифологических и религиозных убеждений и в современных трактовках научной методологии) они стали получать, начиная с XVIII в., а до этого, стало быть, человечество проживало столетие за столетием без какой-либо научной основы, и при этом как продвигалось вперед, если иметь в виду ощущаемый в повседневности научно-технический прогресс, так и продвигается дальше в переживаемый период времени (то есть, современность) по тому же стратегическому вектору. И здесь с неизбежностью возникает извечный вопрос об объективности общественного развития и влиянии на этот процесс целенаправленной, то есть, уже осознаваемой и подкрепляемой теоретическими и эмпирическими исследованиями, человеческой деятельности, и в первую очередь в лице государства и научных учреждений как общественных институтов (в данном случае занимающиеся историческими исследованиями), предлагающих государству свои экспертные мнения.

По мнению А.В. Ставицкого, «как бы историк ни стремился к объективности, его выводы никогда не будут окончательными. Следовательно, полная и абсолютная объективность в историческом исследовании не будет достигнута никогда, а разговоры о ней – из области "научной" мифологии» [2]. В этой связи, как отмечает И.Д. Ковальченко, «следует напрочь исключить какие бы то ни было претензии на возможность создания неких универсальных и абсолютных теорий и методов исторического познания. Это обусловлено неисчерпаемостью развития, что делает невозможным разработку каких бы то ни было всеохватывающих теорий» [3, с. 4]. Подобные точки зрения вполне отражают, как нам представляется, доминирующее мнение ученых-историков, тем более, если учесть, что они имеют дело не с фактами, а с образами фактов, преимущественно письменными текстами («от древнейшего нуклеуса до вчерашней газеты» [4, с. 7], созданными некими людьми с определенным уровнем познания и чаще всего с вполне определенной целью, связанной, как правило, с позицией государственных правителей конкретного исторического времени (а в позднейший период и с их политических оппонентов); не оттого ли, к примеру, нам до сих пор неизвестно происхождение русского государства, имея в виду, в частности, его предпосылки до IX в.? Здесь же нельзя не отметить и конъюнктурности исторической науки (так, сейчас, на наш взгляд, российская историческая наука переживает болезненный этап переосмысления многих явлений истории России, например, как оценивать декабристов – как преступников при Империи или как героев при СССР и как и тех и других в настоящее время?).

Тем не менее в условиях «приземленного» человеческого бытия, исходя из современных критериев его оценки (в том смысле, что оценку дают современники переживаемого периода, а не исследователи позднейших периодов), можно, очевидно, говорить, о высокой степени соответствия исторического познания и объективной реальности, а Г.М. Ипполитов и вовсе полагает, что при определенных условиях «объективность исторических исследований достижима» [5, с. 678] - разумеется, речь идет об относительной объективности. Однако даже знание относительной объективности общественного развития, как доносимого учеными-историками до государственных деятелей, принимающих важнейшие решения для страны, так и постигаемого последними самостоятельно в меру своих интеллектуальных сил, не означает, что развитие общества будет следовать познанным объективным историческим законам, причем, в данном случае не имеет значения исходная теория исторического развития (цивилизационная, формационная и т.д.). Эта особенность исторического движения общественных отношений, как представляется, недостаточно изучена.

Мы полагаем целесообразным в этой связи показать данное явление на примере России XIX – начала XX вв. Так, вряд ли кто будет сомневаться в том, что известные буржуазные революции в ряде стран Европы дали отчет Новому времени с его по-прежнему актуальными демократическими принципами (во всяком случае – пока еще), наиболее наглядно отображенными во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе» [6], «Цель всякого политического союза - обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковые - свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению» [6] и т.д. Сейчас уже ясно, что это был и еще остается вектор всеобщего развития человечества, который разными, в том числе еще неизведанными, путями с неизбежностью, хотя и неравномерно, просачивался через все государственные границы.

Россия не стала исключением, и здесь, как представляется, некоторые абсолютные монархи также чувствовали необходимость перемен – так, Екатерина II вела диалог с прогрессивными европейскими мыслителями, в ее известном «Наказе» явно слышны нотки европейских веяний, а у «оппозиционеров» императрицы (А.Н. Радищев, Н.И. Новиков и др.) эти мысли были достаточно ясно проявлены, причем, настолько, что «прогрессивная» Екатерина II подвергла их репрессиям. Александр I «дошел» до проекта Уставной грамоты Российской империи. Как вспоминал А. Чарторыйский, император высказывался в том духе, «что ненавидит деспотизм повсюду, во всех его проявлениях, что любит одну свободу, на которую имеют одинаковое право все люди, что он с живым участием следил за французской революцией, что, осуждая ее ужасные крайности, он желает республике успехов и радуется им ... что желал бы всюду видеть республики и признает эту форму правления единственно сообразною с правами человечества ... что наследственная монархия есть установление несправедливое и нелепое, что верховную власть должна даровать не случайность рождения, а голосование народа, который сумеет избрать наиболее способного к управлению государством» [7, с. 83]. Однако сложившееся у правителей и в целом у политико-аристократической элиты России того времени представление о незыблемости абсолютизма и соответствующих сословных привилегий, а также ко многому обязывавшее их общественное положение не позволили в итоге выйти на путь общеевропейского развития.

О необходимости сделать это напомнили декабристы в 1825 г. Но их восстание не было поддержано российским обществом, и Николай I, вероятно, увидел в такой позиции тогдашнего российского общества подтверждение правильности выбора самодержавия как основы российского государственного устройства. Для укрепления абсолютизма император

издал в 1826 г. новый, более строгий, цензурный устав [8], а через два года этот устав стал еще строже, и цензорам предписывалось, в частности, «следить за неприкосновенностью коренных законов империи» [9, с. 59]. Таковым было направление, заданное государством. Но что происходило в реальности?

В реальности же суровые законы по факту смягчались, ибо объективность общественного развития не может быть изменена создаваемыми людьми государственными институтами (в первую очередь – политической властью). Но власть (государство), безусловно, в состоянии замедлить или, напротив, ускорить общий вектор развития, и здесь, конечно, повышается значимость субъективного фактора. В России в то время имело место замедление демократических изменений, точнее, замедление, сопряженное с накоплением протестного потенциала. При этом, несмотря на жесткие законы, на активность Третьего отделения, некоторые представители государства, те же цензоры, во многих случаях смотрели сквозь пальцы на довольно раскованные и рискованные для авторов сочинения литераторов и общественных деятелей (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, П.Я. Чаадаев, дискуссии «славянофилов» и «западников» и др.). И не только цензоры – так, комендант управления на Нерчинских рудниках С.Р. Лепарский довольно лояльно относился к декабристам – формально государственным преступникам, отбывавшим наказание в вверенном ему уголовно-исполнительном учреждении. В частности, декабрист Д.И. Завалишин писал о том, что ему и его товарищам под предлогом болезней дозволялось выходить из острога к женам, общаться на природе у реки, и там вместе с декабристами на пикниках бывали лица начальствующего состава [10, с. 266].

Возникает вопрос: почему же чиновники не боялись общения с преступниками, посягнувшими на государственную власть, то есть, совершившими, по законам того времени, тяжкие преступления? Ответ, мы полагаем, кроется как раз в заданном векторе объективного развития общественных отношений, который показывал, что время (власть) монархов уже заканчивается, право каждого человека становится общественной ценностью, крепостничество считается неприемлемым, и приходит время новых людей, которые свое положение в обществе завоевывают не происхождением, а собственными образованием и трудоспособностью. Тот же С.Р. Лепарский, должность которого по жалованью равнялась должности губернатора, «не хотел выглядеть перед отечественной и зарубежной общественностью в роли палача, желал остаться в истории с добрым именем» [11, с. 128].

Представить подобную позицию чиновника еще на рубеже 1800 г. было невозможно. Но вот пришло другое время, породившее чиновников с иными поведенческими установками, то есть государство как общественный институт не было абсолютно абсолютистским, и в нем всегда были представители прогрессивных взглядов (другой вопрос, что они долго и массово не проявляли себя).

Это пример того, как объективность общественного развития свое взяла – вопреки субъективному усмотрению государства в лице правящей элиты России: вот и крестьянская реформа (1861 г.), вот и судебная реформа (1864 г.), вот и земская реформа (1864 г.) и т.д. Да, это было в европейском духе, хотя и с явным запозданием. С другой стороны, эти реформы осуществлялись не по осознанию правящей элитой необходимости перемен, а под напором обстоятельств, вынужденно, когда не сделать этого было нельзя, не понеся больших потерь для своих интересов.

Как нам представляется, основная причина драматических и трагических исторических поворотов в развитии российского общества заключается именно в этом – неспособности власти (государства) улавливать элементы объективного хода исторического развития, что, в свою очередь, вытекает из нежелания поступиться имевшимися

привилегиями (капиталами, должностями, льготами и т.д.). Так, распространение революционных настроений во второй половине XIX в. («Земля и воля», «Народная воля» и др.), аплодисменты публики на оправдательный приговор суда присяжных Вере Засулич, признавшей в покушении на петербургского градоначальника (1878 г.), казалось бы, должны были заставить государство осмыслить ситуацию в обществе – ведь очевидно было, что явно что-то не так, не должны граждане рукоплескать террористке. Казалось бы, надо присмотреться к опыту Японии, где император нашел мужество отступить в сторону, передав власть парламенту и правительству («Законы Мейдзи»). Но нет, не осмыслили, не присмотрелись.

Более того, в этом случае российское государство пыталось замедлить ход исторического развития, «закрутила гайки» в рамках периода контрреформ конца XIX в., и в результате вместо ускоренного общественного развития, получилось новое его замедление, после чего накопившийся протестный потенциал прорвало в начале XX в. Но и тогда еще была возможность подстроиться под объективность исторического процесса – после 9 января 1905 г. Но этого не случилось, царь не захотел услышать общественность, будучи зашоренным абсолютистскими предрассудками и верой в свою данную свыше великую миссию. А объективность и тут взяла свое, но уже в иных формах. И если в первой половине XIX в. объективность общественного развития от государства олицетворяли в основном чиновники среднего звена, то теперь уже «проснулись» и высшие круги. В этом контексте произошло неоднозначное явление российской истории, когда в военное время (!) практически весь генералитет, значительная часть Государственной Думы и сонм прочих вчера еще верных государю деятелей вынудили Николая II – императора (!), Главнокомандующего (!) подписать отречение. Вот цена длительного противодействия объективным законам развития общества – крушение государства, революция, Гражданская война, страдания миллионов россиян (включая императора и его семью). Вот следствие катастрофы начала XX в., разразившейся после векового мертвого стояния на абсолютистских опорах. А потом был СССР, и тоже, образно выражаясь, историческое стояние, но на иных, идейно-классовых опорах, и тоже было предательство (ГКЧП 1991 г.), и тоже было крушение государства. В настоящее время есть надежда, что третьей катастрофы не произойдет. Если, конечно, будут извлечены уроки из предшествующего исторического развития страны, и если правящей элите достанет высоких личностных качеств поступиться личными интересами ради общественного блага. В противном случае России уготована судьба перманентно-катастрофического государства, и не дай бог нашим потомкам познать такую судьбу.

Список литературы:

1. Асонов Н.В. История как наука // Власть. 2018. № 12. С. 7-10.
2. Ставицкий А.В. Объективность в истории: пределы и возможности // Информационно-аналитический портал Таврии и Севостополя // [Электронный ресурс] URL: <https://русскоедвижение.рф/articles/42-articles/5614-2012-03-07-10-43-22> (дата обращения: 16.02.2024 г.).
3. Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 4-10.
4. Поляков Ю.А. Историзмы (мысли и суждения историка). М.: Ин-т росс. истории РАН, 2001. 101 с.

5. Ипполитов Г.М. Объективность исторических исследований: достижима ли она? Дискуссионные заметки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. № 8. Т.3. С. 676-689.
6. Декларация прав человека и гражданина (Принята Учредительным собранием 26 августа 1789 г.) // Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1989. С. 26-29.
7. Русский двор в конце XVIII и начале XIX столетия: из записок князя Адама Чарторыйского, 1795-1805 (переиздание). М.: РГБ, 2007. 221 с.
8. Цензурный устав от 10.06. 1826 г. // Русская журналистика в документах. История надзора / Составитель О.Д. Минаева. М.: Аспект пресс, 2003. С.110-114.
9. Полусмак Т.Л. Цензурное законодательство дореволюционной России: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. 194 с.
10. Записки декабриста Д.И. Завалишина. СПб.: Тип. М.О. Вольфа, 1906. 462 с.
11. Соболев А.В. Вельможная каторга и ее артельное хозяйство // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 127-133.

References:

1. Asonov N.V. History as a science // Power. 2018. No. 12. P. 7-10.
2. Stavitsky A.V. Objectivity in history: limits and possibilities // Information and analytical portal of Tavria and Sevostopol // [Electronic resource] URL: <https://russkoedvizhenie.rf/articles/42-articles/5614-2012-03-07-10-43-22> (date of access: 02/16/2024).
3. Kovalchenko I.D. Theoretical and methodological problems of historical research. Notes and reflections on new approaches // New and recent history. 1995. No. 1. P. 4-10.
4. Polyakov Yu.A. Historicisms (thoughts and judgments of a historian). М.: Institute of Russia. History of the Russian Academy of Sciences, 2001. 101 p.
5. Ippolitov G.M. Objectivity of historical research: is it achievable? Discussion notes // News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2006. No. 8. Т.3. pp. 676-689.
6. Declaration of the Rights of Man and Citizen (Adopted by the Constituent Assembly on August 26, 1789) // French Republic: Constitution and legislative acts. М.: Progress, 1989. P. 26-29.
7. Russian court at the end of the 18th and beginning of the 19th centuries: from the notes of Prince Adam Czartoryski, 1795-1805 (reprint). М.: RSL, 2007. 221 p.
8. Censorship statute of June 10. 1826 // Russian journalism in documents. History of supervision / Compiled by O.D. Minaeva. М.: Aspect Press, 2003. P.110-114.
9. Polusmak T.L. Censorship legislation of pre-revolutionary Russia: dis. ...cand. legal Sci. Nizhny Novgorod, 2003. 194 p.
10. Notes of the Decembrist D.I. Zavalishina. SPb.: Type. M.O. Wolf, 1906. 462 p.
11. Sobolev A.V. Noble penal servitude and its artel economy // Questions of history. 2000. No. 2. P. 127-133.